

Феминистская эпистемология и психоанализ

Алла Митрофанова

Независимая исследовательница

E-mail: twinsmi@mail.ru

Феминистская эпистемология и психоанализ

Аннотация:

В эссе рассматривается влияние психоанализа на феминистские исследования. Зигмунд Фрейд, современник политических суфражистских движений, начал разделять сексуальность как то, что сформировано в культуре, и сексуальность как биологическую данность. В лакановском психоанализе происходит переход от полового различия к его языковым структурам. Эта часть теории Лакана стала инструментом для феминистских исследований культурного (патриархатного) канона и критики научного объекта. Гендерированное бессознательное стало исследоваться в разных научных дисциплинах, что повлекло за собой пересмотр эпистемологических подходов в антропологии, социологии и философии техники. Базовым направлением феминистских исследований стала работа по деконструкции эпистемологических оснований и классической эпистемологической дистанции между знанием и существованием. Это, в свою очередь, распространилось на деколониальные исследования, квир-теорию, феминистские STS-исследования и другие дисциплины. Современное состояние психоанализа переживает очередную теоретическую трансформацию.

Речь идет о преодолении гетеросексуальной матрицы бессознательного в пользу постгендерного анализа. Эта трансформация нуждается в логиках особого типа (контингентных и рекурсивных), независимых от гетеросексуальных культурных матриц.

Ключевые слова:

Фрейдомарксизм, Лакан, Митчелл, постлакановский феминизм, Эвелин Келлер, феминистская эпистемология, постгендерный психоанализ, Пресьядо.

Эпистемология курицы и яйца

В наших рассуждениях будем отталкиваться от тезиса критической эпистемологии: любое организованное знание вводит свои допущения или аксиоматизирует собственное поле, тем самым устанавливая определенный порядок ценностей и вырабатывая соответствующие логические операции. Таким образом мы с самого начала отказываемся и от универсалистских претензий знания, и от его мнимой нейтральности, а также от научного объекта «как он дан на самом деле». Также мы отказываемся от установки, согласно которой процесс познания должен приближаться к исчерпывающему постижению своего объекта способом бесконечного уточнения деталей и продолжающейся верификации вплоть до достижения окончательного результата. Методологически это означает отход от базового онто-эпистемологического допущения, устанавливающего дистанцию или разрыв между познающим субъектом и объектом познания.

Мы оказываемся в ситуации, сформированной «научными войнами» 1980–1990-х годов между социальным конструктивизмом и научным реализмом.¹ Эти две традиции мысли наследуют разделению между гуманитарными науками, предметом которых являются субъективность и социальная иррациональность, и естественными науками, чья ориентация на объект обещала приближение к истинному знанию. Если социальные конструктивисты считают, что научный объект формируется как историческое, социальное и дискурсивное образование, то формализация и материализация такого объекта имеет смещаемые

¹Этим научным войнам посвящен выпуск журнала «Логос» — «Анти-Латур» (2019) и большое количество исследований по философии науки, частично представленных на русском языке: Лаудан, Хакин, Хардинг, Лонгино, Харауэй, Барад, Пикеринг.

и переписываемые границы в истории и в различных научных дисциплинах. В этой перспективе научные объекты не имеют четко установленных границ — способ их рассмотрения зависит от культуры и политических интересов. Следовательно, установка на разделение рационального/нейтрального знания и иррационального/субъективного/социального становится спорной. Это противоречит классической науке, изучающей «внутренний мир» субъекта и внешнюю данность объектов. Однако над социальным конструктивизмом, как дамоклов меч, нависает главный вопрос: каким образом социально сконструированный объект приобретает свою реальность и материальность? Каков статус эпистемологической процедуры, если знание непосредственно влияет на существование объекта?

Со стороны философии науки есть встречное движение, которое можно совокупно описать через теорию научных революций Томаса Куна. Он ввел понятие научных парадигм, допуская, что наука не имеет кумулятивного эффекта накопления знаний, но при этом отбрасывает большую часть прежних объектов, порождая новые там, где предшествующая парадигма их не предполагала. В США, где среди женщин-ученых формировалась феминистская критика науки,¹ Эвелин Келлер в своей книге «Исследуя гендер и науку» (1985) отмечает, что феминистская критика науки говорит не столько о меньшем количестве женщин в науке или о неравных шансах к научному признанию, и не только о различии в интерпретации наблюдений и опытов (Келлер 2005: 200–214). Речь идет о том, что методологические и базовые допущения наук уже содержат эпистемологические нормативные установки, которые чаще неосознанно определяют заинтересованность и конкретную культурную установку ученых. При том, что обыкновенно базовые установки трактуются как нейтральные и «естественные», они оказываются проявлением политической, гендерной и этнической привилегированности. Келлер сталкивает социальный конструктивизм и научный реализм: если отказаться от допущения, что наука исходит только из собственных логических и эмпирических исследований, а авторство и социальная ситуация не имеют значения, то возникнет риск попадания в другую ловушку — растворения науки в социальном производстве. Это поставит науку в прямую зависимость от идеологий, вслед за чем может последовать отказ от всяких форм рациональности. Пересматривая понятие рациональности, Келлер называет наиболее сомнительными, во-первых, установ-

¹ Сандра Хардинг, Хелен Лонгино, Мерил Хинтиikka, Элизабет Гросс, Донна Харауэй и другие.

ку на дисциплинарную автономию, во-вторых, претензию на нейтральность и авторитетность знания. По ее мнению, эти два допущения неосознанно соединяют между собой объективность и маскулинность. Опираясь на психоаналитические исследования материнства Нэнси Чодороу, Келлер делает вывод, что вскрываемое феминистским психоанализом отношение к материнству как к бессубъектному слиянию/инцесту, которое препятствует формированию автономии индивида, влияет на позицию ученого. Это происходит, поскольку автономия понимается как противопоставление субъекта — бессубъектному природному слиянию или же объектам пользования, которые кодируются как женские. Сам предлагаемый метод выхода из доэдипальной стадии — и есть консолидация эдипальности. Этот подход наследует тезису Бэкона: «Привести к себе природу со всеми ее детьми и поставить на службу, сделать рабыней» (цит. по: Келлер 2005). Научный объект устанавливается через подчинение, связанное с культурной спецификой отношения к материнству. По этой причине то, как мыслится научный объект, совпадает с установкой на необходимость субъекта выйти из симбиотической связи с матерью. Научному объекту не дозволено вступать в отношения с исследователем, а исследователю нельзя эротически (симбиотически) приближаться к объекту исследования. Дистанция между ними построена как единственно допустимое условие мышления и противостоит иррациональному и пугающему. Другие подходы нарушения эпистемологической дистанции в виде симбиотического приближения, «разговора с природой», квалифицируются как непрофессиональные, антинаучные и маргинальные.

Келлер приводит пример схожей полемики в биологии. Одна позиция утверждает, что ДНК шифрует и передает инструкции (подчиняет клетку), другая — что ДНК находится во взаимодействии с клеточным окружением и может менять программу, формируя динамическую устойчивость (во втором случае контроль не является центральным). Большинство ученых бессознательно продолжают выбирать первую позицию. Келлер допускает, что отвержение той или иной программы происходит под влиянием не только идеологии, но также и истории формирования личностей ученых. Речь идет о методологических и гендерных установках отдельных научных областей, которые «отбирают» соответствующий им тип людей. Феминистская аналитика науки, по мнению Келлер, должна пересматривать историю науки и трансформировать ее критерий объективности. Речь идет о том, чтобы как минимум перестать рассматривать критерий объективности в качестве экспертного и нейтрального.

Таким образом, феминистская эпистемология принимает социально-конструктивистское допущение о зависимости постановки исследовательских задач и организации научного процесса от социальных и политических ситуаций. Более того, она заостряет критику при помощи «возмутительно несправедливой» и «порочащей ученых» гендерной аналитики, которая ставит под сомнение истинность и объективность науки, а также честное имя конкретных исследователей. Однако, в отличие от социальных конструктивистов, Келлер продолжает настаивать на рациональности науки, пусть и отвергая при этом универсализм и автономию субъекта. Она переосмыляет научный рационализм за счет признания того факта, что разнообразие культурных парадигм и условий формирования социокультурного «бессознательного» влияют на самого исследователя. Это создает дискомфортную ситуацию, в которой ученый вынужден покинуть «нейтрально экспертную» позицию и обратиться к бессознательной структуре своего дискурса, а также усомниться в границах своей дисциплины. Психоаналитическое сомнение теперь работает не с сексуальностью, а с эпистемологическими и политическими пределами научных дискурсов. Тем самым оно переоткрывает историю и конфигурации власти в науке.

Социальный конструктивизм поставил вопросы к методологии естественных наук; научный реализм обратился к проблеме того, как возможно вариативное и зависимое от смены парадигм знание, а также каков материальный статус объекта в оппонирующих теориях. Это привело к пересмотру того, чем именно является объект исследования. Если ранее задача ученого состояла в том, чтобы все более детально описывать якобы достоверно существующий объект, то гендерный анализ науки ставит под сомнение истинность и объективность науки как в подходах эпистемологии тождества (корреспондентская теория), так и в подходах неопозитивизма и корреляционизма.

Возвращаясь к нашей теме: допустим, психоанализ может сообщать нечто о действительно существующих, им открытых отношениях сексуализированных и социализированных тел. Но мы также должны допустить, что в иных исторических ситуациях возможно изменение базовых допущений теории и практики психоанализа. Признание роли бессознательного в устройстве дискурса дало возможность открыть/установить новый тип познания. В американском контексте интерес к бессознательному в рамках психоанализа, а также феминистская критика науки и патриархатного культурного канона произвели феминистскую эпистемологию и феминистскую философию. Уточню, что фе-

министская философия — это не некая «философия женщин», а философия, предлагающая онто-эпистемологическое решение на основе методологий различных феминистских теоретических исследований. Из этой позиции я проанализирую различные периоды в истории психоанализа, а также проблему постгендеризма и квир-философии.

Фрейд. Бессознательное возвращает телесность

Согласно определению Луи Альтюссера, роль Фрейда в культуре XX века заключается в открытии «континента бессознательного». Фрейд стал ключевым критиком трансценденталистского подхода и гуманистической уверенности в универсальности разума. Он связал культуру с телесностью, понятой через бессознательную сексуальность, тем самым нарушив теоретическую перспективу чистого сознания. В этом смысле не было более явного антагониста гуссерлианской феноменологии и более важного временного союзника марксистского материализма, чем Фрейд. С его помощью телесность получила статус легитимного предмета научного познания, пусть и в доступном для начала XX века формате тайны полового различия.

Как и любая дисциплина, психоанализ имеет свое место и время. Он возник в тот же период, когда феминистское движение разрушало метафизическую иерархию мужского и женского, а женская природная пассивность в ходе политической борьбы становилась женской политической субъективностью, которая завоевывала электоральные права и массовый доступ к образованию, общественному труду и экономической независимости. Ответом феминизму был не только одиозный труд Отто Вейнингера «Пол и характер» (1903), но в некотором смысле и психоанализ Фрейда. Не случайно в феминистских биографиях Фрейда изобретение женской истерии связывают с его пребыванием в Лондоне во время выступлений суфражеток. Они разбивали стекла магазинов на центральных улицах и приходили на избирательные участки, откуда их вышвыривали на тротуар солидные мужчины-избиратели. Оказываясь в тюрьме, они объявляли голодовку и нередко подвергались калечащей практике искусственного кормления с помощью зонда, вводимого через нос (подробнее см.: Шнырова 2019). Эти сфокусированные на женщинах политические скандалы заполняли газеты и требовали объяснений. Фрейд предоставил свое: иррациональную женскую истеричность психофизиоло-

гического происхождения. Поскольку женское в культуре было представлено только сексуализированным женским телом, то и женская политическая активность интерпретировалась в рамках сексуальности. Но вслед за этим встал вопрос о «природе» сексуальности и телесности в целом.¹

В поисках знания, обещанного новой практикой, приходят пациентки: Дора, Анна О. Желание знания объединяет их с самим Фрейдом, однако это не значит, что искомый предмет и способ его получения для них совпадают. Молодые женщины замурованы в парадигматической рамке женственности, которая была отведена им гендерной биополитикой XIX века и которая состояла в репродуктивной гиперсексуальности и правовой инфантилизации, перекрывавшей доступ к культуре, образованию и политическому изменению своей ситуации. Обе женщины старательно пытались реализовать себя через гиперсексуальность, приспособить доступный им женский инструментарий к реализации эмансипаторного потенциала своего существования: в случае Анны О. это была ложная беременность, в случае Доры — попытка солидарности с возлюбленной отца. Обе не удовлетворены интерпретациями Фрейда и покидают психоанализ, который был для них лишь первым шагом формулирования их запроса к знанию. И если Анна О. (настоящее имя — Берта Паппенгейм) после анализа и отчасти вопреки ему становится известной суфражисткой, то история Доры мне кажется недостаточно проясненной. Не будем забывать, что Дора — это Ида Бауэр, сестра Отто Бауэра,² разделявшая его взгляды и жизненные трудности. Дора со своим бунтарским пафосом оказалась временной союзницей Фрейда. Она повела себя странно, обнаружив свое положение в структуре обмена женщинами, когда отец предложил дочь мужу своей возлюбленной, госпожи К.: в ответ на это Дора проявила женскую солидарность с госпожой К. и не приняла внимание господина К. Женская солидарность, которая в этой ситуации, на мой взгляд, имеет и скрытый подрывной политический смысл, была интерпретирована Фрейдом как

¹Если участие женщин в философских дискуссиях Просвещения и романтизма (Каролина Шлегель) привели к включению эмоций в онимание разума и к попыткам помыслить природу (Шеллинг, братья Шлегели), то женское движение второй половины XIX века поставило проблемы системного институционального неравенства, телесности, сексуальности, политического исключения, и это происходило вместе с революционным движением за изменение классовых и конфессиональных различий.

²Отто Бауэр (1881–1938) — революционер и марксист, теоретик права, с 1918 года секретарь социал-демократической партии Австрии.

ложное гомосексуальное желание к любовнице отца. Возможно, Дора помогла Фрейду понять, в чем заключается его собственный интерес в психоанализе: в стремлении преодолеть репрессивные нормы знания, расширить доступ к тому, что исключено. Как Фрейд, так и Дора были бунтарями — они подошли к пределу дозволенного знания и нарушили его строгие иерархические правила. Фрейд сопротивлялся дисциплинарному авторитету науки, Дора же осознала себя в качестве объекта обмена в структуре гендерного порядка.

В своем интервью Элизабет Рудинеско говорит: «Важно понять, что Фрейд не открыл бессознательное как источник человеческого поведения, а лишь интерпретировал семейную и политическую ситуацию своего времени, превратив их в бессознательное» (Рудинеско 2018: 55). Она показывает, что Фрейд не выстроил универсальную структуру бессознательного, но интерпретировал конкретные венские семейные, политические и социальные травмы, которые затем были очищены от политического контекста. Этот ход позволил ему предположить универсальность своей теории сексуальности. Рудинеско предполагает, что психоанализ оказался так популярен, поскольку позволил возвысить семейно-бытовой, патриархальный и политический травматизм и неуверенность, свойственную времени распада империи, до уровня героической мифологии царя Эдипа. Теперь каждый депрессивный венский буржуа мог почувствовать себя Эдипом во власти рока. Если учесть это наблюдение, то психоанализ из дисциплины, претендующей на универсальность, становится теорией с конкретным политическим и гендерным подтекстом.

Однако как бы феминизм ни относился к Фрейду, этот раздел можно подытожить суждением Джулиет Митчелл о том, что Фрейд был не пропагандистом, а аналитиком патриархального общества и его культурных установок (см.: Митчелл 1982).

Феминизация психоанализа. Советский фрейдомарксизм

В этом разделе я не буду рассматривать литературные увлечения психоанализом у российских символистов, а сразу перейду к радикальной психоаналитической практике, которая мне представляется связанной с марксистским феминизмом. Почему марксистский феминизм? Джулиет Митчелл допускает, что именно марксистский феминизм впервые избавился от патриархального описания ребенка и женщины (см.: Там же). К примеру,

Александра Коллонтай разрабатывает политическую теорию и психологию пола, опираясь не на иерархию и натурализацию, а на равенство и различие. Создание детского сада-лаборатории Верой Шмидт (1921–1925) стало базой для открытия в Москве Государственного института психоанализа (1923–1925). Сабина Шпильрейн приезжает в революционную Москву из Швейцарии для разработки детского психоанализа и участвует в работе института. До этого у нее проходил анализ Жан Пиаже. По предположению Александра Эткинда, лекции Шпильрейн также определили полемику Выготского с Пиаже о теории детской психологии (см.: Эткинд 1994: 159–160, 163, 166).

Вера Шмидт была участницей европейских психоаналитических конгрессов и пользовалась большой известностью. Ее детский сад-лаборатория был психоаналитическим экспериментом, попыткой понять, как проработка бессознательных травм и свободное сексуальное и телесное воспитание детей влияет на их социализацию и мышление (Шмидт 2011). В детском саду дети обучались вместе, там не было телесных запретов, была разрешена мастурбация. Шмидт была убеждена, что когнитивное и психическое развитие связано с развитием сексуальным, а запреты и подавления не позволяют прийти к зрелости, обрекая как сексуальные, так и социальные отношения на инфантилизм и агрессию. Кроме того, она считала, что детские травмы становятся впоследствии личностными патологиями. Шмидт пыталась создать модель, в которой социальные патологии — бедность, алкоголизм, неравенство и другие — с помощью психоанализа могут быть проработаны на ранней стадии.

Недолгий период советского фрейдомарксизма стал важным эпизодом в истории психоанализа как эмансипаторной теории и практики. Этот период был связан с революционным переустройством общества и новым законодательством о равенстве полов и признании прав незаконнорожденных детей. Такие серьезные перемены обусловили понимание детства как важного этапа в развитии личности, определяющего формирование сексуальности и тип бессознательного. Концептуализация воспитания как такового сменилась с дисциплинирования (придания формы иррациональной природе субъекта через его подчинение правилам) на конструирование (создание личности, способной к самоорганизации в условиях социального и культурного становления). Натурализованная семейная сфера невидимого женского труда и отцовского авторитета уступила публичной и научной сфере, чему должны были способствовать новые политические условия.

Лакан. Гендерированная метафизика и культурный канон

Почему же на какое-то время психоанализ и феминизм совершенно разошлись и снова встретились в противостоянии друг другу только в 1960-е годы? Американская феминистка Кейт Миллетт объясняет это следующим образом: быстро став частью государственной идеологии, американский психоанализ оказался удобным инструментом для натурализации женщин, предоставив для этой цели понятие зависти к пенису и идею биологического предназначения (Millet 1970). Понимание женской активности как истерической позволило воспринимать любой женский протест в качестве патологии. В 1950–1960-е годы психоаналитики предприняли попытку обосновать страх перед тоталитарностью материнской власти через ненависть к матери и табу на инцест. Эти измышления, в частности, подверглись критике в работах Юлии Кристевой (Kristeva 1975), Бетти Фридан (Фридан 1993), и Нэнси Чодороу (Чодороу 2006), которые стремились продемонстрировать, что такой образ материнства навязан патриархатом. Идеи о боязни материнского, инфантилизации женского и объективации женской сексуальности позволили консерваторам восстановить концепцию «природной женственности», стереть из истории суфражистское движение, ограничить женщинам доступ к образованию и науке и сконструировать для «новой женщины» американскую мечту с ассортиментом продуктов потребления от пылесоса до косметики. Связку власти и психоанализа в угнетении женщин впервые описала Бетти Фридан в известной книге «Загадка женственности» (1963). Подозрение к репрессивной роли психоанализа обнаруживается в большинстве американских феминистских исследований конца 1960-х — начала 1970-х годов.

Жак Лакан отвечает на тот же вызов: он оппонирует сложившейся вульгарной интерпретации психоанализа, поставившей сексуальность на службу идеологии. (Пост)структуралистский психоанализ Лакана категорически отказывается от биологизма и занимает позицию, согласно которой сексуальность формируется структурой языка. При помощи заимствований из неклассической логики и топологии Лакан совершил эпистемологический переворот в психоанализе — отказался (с опорой, впрочем, Фрейда) от натурализации пола и от представления о субъекте как носителе гуманистической рациональности. Пол и субъект оказываются эффектами дискурсивного производства и власти означающего порядка — Другого. Теорию Лакана

можно считать одним из конструктивистских подходов лингвоцентризма.¹

Это учение сподвигло своих последователей к анализу языка как структуры означающих и иерархической системы, ведь субъект, по Лакану, не дан изначально, но сформирован в языке, в отношениях сексуального различия, семейных и социальных структурах. Философиня и психоаналитик лакановского семинара Люс Иригарей (которая была исключена из семинара после выражения своей неортодоксальной позиции) критикует Лакана уже с иных позиций, чем те, с которых феминистки 1960–1970-х годов критиковали вульгаризированный американский психоанализ. Она видит фаллоцентризм его теории уже не в биологизации сексуальности, но в сохранении гендерной иерархии и универсализации фаллического означающего, следствием чего стал отказ женскому телу в самостоятельном символическом статусе. По мнению Иригарей, в языке может работать альтернативная женская символическая логика, не принимающая фаллоцентричные иерархии в качестве единственно возможной властной нормы. Исключение женского Иригарей воспринимает как вызов и предлагает создавать новые порядки означающих, опираясь на женский языковой опыт. Как репрезентировать женскую субъектность в символическом, которое уже фаллоцентрично? Иригарей разрабатывает новый концепт наслаждения и утверждает, что истерический дискурс является альтернативным способом субъективации. Однако ввести в язык то, что прежде из него исключалось, достаточно сложно. Именно с программы Иригарей начинается расширение поэзиса женского, метафорическое возвращение в язык органов женского тела. Эта форма психоаналитического феминизма — или феминистского психоанализа — в какой-то момент становится возможно даже слишком экстравагантной и рискованной. Однако движение было поддержано многочисленными художницами: Кэроли Шниман, Джуди Чикаго, Ники де Сан-Фалль и другими, «возвращавшими женские тела самим женщинам», по определению Шниман (Schneemann 1975).

Интерпретируя лакановский психоанализ, психоаналитические феминистки приходят к выводу, что, если субъективность формируется символическим порядком, а не дана естественным образом, тогда бессознательное можно рассматривать в эпи-

¹ Бунт в среде последователей Лакана — представленный, к примеру, Феликсом Гваттари, — был направлен против трансценденталистского уклона в теории и против понимания языка как внеисторической структуры.

стемологической перспективе как обладающее историческим и политическим измерением. В этом они противоречат самому Лакану, для которого субъект может быть только либо женщиной, либо мужчиной, поскольку бинарная структура языка признается универсальной. Психоаналитик Джулиет Митчелл же прямо признает, что «задачей психоанализа является расшифровка того, как мы наследуем эти понятия и законы человеческого сообщества через бессознательное нашей психики», и что психоанализ нужно использовать как инструмент (пере)формирования субъективности (Митчелл 2001: 559). Так или иначе, именно Лакан заново поставил вопрос о сексуальности, открыл ее дискурсивный характер в противоположность натурально-биологическому. Теперь стало возможным понимать телесность и сексуальность как нечто заданное символическим порядком, который может основываться на различных аксиоматиках. А значит — бинарность полов является уже не безусловной метафизической истиной, а только одним из вариантов возможного, эффектом культурной политики гендерного канона.¹

Лакановское переосмысление психоанализа вдохновило философскую критику метафизики и эпистемологии фаллоцентризма не только со стороны Иригарей, но и таких авторов, как Элен Сиксу и Жак Деррида. Также психоанализ Лакана оказался важным инструментом для культурной критики мужского канона в искусстве, литературе и кино. В числе влиятельных работ в этой области можно назвать «Сексуальные/текстуальные политики» Торил Мой (1985) и «Визуальное наслаждение и нарративное кино» Лоры Малви (1975). В числе иных направлений развития вдохновленной Лаканом теории можно назвать семанализ Юлии Кристевой, аналитику визуальных образов и моделей пространства, понимаемых в качестве уже не априорных универсалий, но культурных визуальных канонов, а также критику гендерно-политизированной патриархатной системы институтов (Линда Нохлин) и гендеризированных подходов в науке. Кроме того, обнаружение эпистемологического гендерного неравенства,

¹ В 1974 году вышли книги: Джулиет Митчелл «Psychoanalysis and Feminism: Freud, Reich, Laing, and Women», Люс Иригарей «Speculum. De l'autre femme», Джейн Гэллоп «The Daughter's Seduction: Feminism and Psychoanalysis»; в 1975 году — «Visual Pleasure and Narrative Cinema» Лоры Малви. Интересно и совпадение дат: все книги этой волны относятся к 1974–1975 годам — как и ставшее центральным для последующих теорий разделение пола и гендера в статье Гейл Рубин «The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex» 1975 года, где она описывает историко-социальные механизмы продуцирования гендера и принудительной гетеросексуальности и отстаивает тезис вторичной позиции женщины.

которое фильтрует и вытесняет не-доминантные типы опыта и маркирует их как невидимые, незначимые, частные, не имеющие политического смысла, оказало влияние на методологию деколониальных исследований.

По мнению Терезы де Лауретис, психоанализ с присущей ему способностью производить новое знание вернулся в США в 1970–1990-е годы (см.: Лауретис 2001). Это была постлакановская версия — феминистская теория, культурные, постколониальные и региональные исследования, а также исследования кино. Не случайно возвращение психоанализа совпадает по времени с распространением критической эпистемологии и социального конструктивизма, с которыми он разделяет отказ от натурализма и биологизма и фокус на парадигмальных переходах. С институционализацией феминизма и появлением в США профильных кафедр начинается работа над феминистской критикой философии и перепрочтением классических текстов в области права, политологии и теории познания. Исследовательницы задаются вопросом: согласно каким «правилам доступа» мыслится та или иная форма мышления? Изучаются уже не объекты науки и их истинностный статус, а то, как эти объекты сформированы структурой знания, в рамках какой эпистемологии и в чьих интересах они конструируются. Так рождается собственно феминистская философия и феминистская эпистемология. Политический и культурный аспект феминистской эпистемологии состоит в стремлении избавиться от патриархатных форм мышления, определяющих нынешнюю метафизику гендерных привилегий, поскольку без этого невозможно выйти из состояния эпистемологического неравенства, а значит, любое эмансипаторное движение будет чревато традиционалистским поворотом.

Расширение феминизма в область эпистемологии сделало его союзником постколониальной теории. Он продемонстрировал, что доминантные коды настолько имплантированы в тело культуры, что принимаются за нечто самоочевидное, природное. Эмансипаторная теория 1970–1980-х годов занимает позицию за пределами канона — позицию женской/расовой/культурной исключенности. Эта позиция продуктивна именно потому, что со своей маргинальной перспективы она видит аксиоматические допущения доминантного дискурса, не способного самостоятельно обнаружить собственные пределы. Кроме того, она способствует расширению аналитических подходов к устройству знания, к практикам и методологиям как в гуманитарных, так и в естественных науках. Таковы достижения оформившейся в 1980–1990-е годы феминистской эпистемологии, которая

заняла третью позицию между социальным конструктивизмом и научным реализмом.

Пройдя через структуралистский и постструктуралистский этапы, психоанализ вступил в полемику с другими направлениями мысли и испытал влияние различных культурных и политических процессов. Наконец, он столкнулся с новыми вызовами сначала со стороны феминистской критики, затем — пост- и трансгендерной повестки.

Критика фаллологотризма, развитая в рамках французского психоаналитического феминизма и постструктуралистской философии, а также наследующая ей теория гендерной перформативности Джудит Батлер имеют, однако, и свои проблемы. В частности, как возможно помыслить телесную материальность за пределами дискриминирующей бинарной метафизики пола? Как должно выглядеть преодоление бинарных оппозиций субъекта и объекта, мужчины и женщины, природы и культуры, сознания и существования? Поиск ответов на эти вопросы порождает новую волну исследований, которая формируется в направлении, известном как новый материализм. Если жизнь организована дискурсивными практиками, то новый материализм исследует, как именно дискурс материализуется в телах. Проблема «воплощения» тел имеет эмансипаторный потенциал. Вариативность телесного воплощения и переплетение материального с дискурсивным — это новая философская проблема. Предыдущая традиция (от Бергсона до Сартра) в основном рассматривала существование как нечто имеющее отношение к абстрактным потокам витальности или интимному внутреннему миру. Предположение Мишеля Фуко о связке власти и сексуальности, идущее дальше идей его предшественников, игнорирует, однако, эпистемологическое гендерное различие. Тем самым оно оказывается в ловушке бинарности власти и тела, придавая власти первичность. В результате мы остаемся в рамках эпистемологического подхода к власти как биополитике, производящей субъекты и управляющей биологическим сырьевым ресурсом. В этой перспективе многие типы жизней могут быть даны только как исключенные, запертые в дискурсивных нормативах.

Из концепта, имеющего отношение исключительно к сексуальности, бессознательное превратилось в способ проблематизировать процесс принятия норм и допущений. Сексуальность из объекта исследования стала одной из основных причин для анализа методологических и эпистемологических допущений, принимаемых в качестве истинных и несомненных оснований

мира. Все это привело к постановке новой философской проблемы: как можно помыслить онтологию без оснований, роль которых прежде выполняли оппозиции субъекта и объекта, природы и культуры, материи и сознания — оппозиции, в устройстве которых мы теперь легко обнаруживаем гетеросексуальную матрицу? Корреляция «мир/мышление», лишившись своего гетеросексуального основания, приводит новые онтологии к поиску способов мыслить без-основность. Одним из новых радикальных способов схватывания корреляции природы и культуры, мышления и материальности является понятие киборга у Донны Харауэй, в котором кибернетическое неотделимо от органического. Еще один пример — философия Карен Барад, которая непосредственно сосредоточена на проблеме дискурсивной материализации в своем анализе квантовой физики и медицинских технологий. Возвращаясь к психоанализу, можно задать вопрос: если гендер и сексуальность производятся различными способами в разных культурах и исторических периодах, то можно ли предположить, что при отмене гетеросексуального канона и его историко-политических оснований и допущений возможно иное, постгендерное и постбинарное производство гендера и пола?

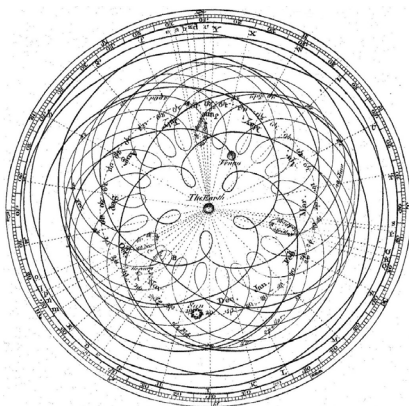
Ситуация 4 Пресьядо. К постгендерному психоанализу

Таким образом мы подошли к современным проблемам, которые связаны с утратой биологического основания и универсальности культурной нормы, а также с тем, что различные миры или реальности должны сосуществовать вне претензий на доминирование. Если сейчас мы понимаем, как пол и гендер были вписаны в рамки бинарной оппозиции природы и культуры, где природа пассивна, а культура наделена креативной властью, то не следует ли за критикой эпистемологического дуализма радикальный отказ от гетеросексуальной теоретической матрицы? Какие последствия может иметь критика Поля Пресьядо: «мы живем погруженными в политическую сеть полового различия, и я здесь имею в виду не только административные вопросы, но и целый ряд микроскопических проявлений власти» (Пресьядо 2021)? Пресьядо предъявляет обвинение психоаналитикам, которые продолжают удерживать в качестве достаточного основания своей дисциплины бинарное эпистемологическое различие. Они не замечают бессознательное собственной дискурсивной логики: этническое (европейское), расовое (белое), гендерное

(мужское) — и тем самым поддерживают патриархатную иерархию современных институтов власти. Важно отметить, что Пресьядо не подозревает психоанализ в биологизме пола — его обвинения направлены против дискурсивной власти и ее институциональных микроэффектов.

Предположим, что постгендерный психоанализ может работать как революция Коперника по отношению к системе Птолемея. Система Птолемея работала и создавала расчеты траекторий звезд, которые делали странные петли на пути своего движения. Когда в системе Коперника точкой отсчета стало Солнце, то планеты стали совершать простые эллиптические движения. Нельзя ли таким же образом отбросить и гетеросексуальное эпистемологическое основание психоаналитической теории?

Возможно ли найти иные различия и связи, подобно тому как квантовая физика, утратив «картину мира» и ее сложную форму репрезентации, создала квантовую механику, обладающую намного большей точностью связей и измерений? Примем гипотезу, согласно которой аналитик и анализант находятся

Илл. 1. Карта астронома Жана-Доминика Кассини. Математические расчеты геоцентрического движения небесных тел Птолемея.

Илл. 2. Фото движения планеты с Земли.

в суперпозиции, то есть в состоянии неопределенности по отношению друг к другу. Они проводят тестовые высказывания, фиксируют реакции, устанавливают дискурсивные пределы друг друга и вырабатывают модель ситуации. Каждый из них может в любой момент отказаться от дальнейшей работы. Если обе стороны формируют терапевтический альянс, то становится возможной проработка ситуации с интерпретациями, построением нарративов, детализацией психических сюжетов. И при этом происходит подстройка и модификация самого аппарата/метода аналитического процесса, в котором работа совершается вокруг проблем пациента и проблем аналитика (всегда в обе стороны).

Попробуем сделать ставку на акт высказывания и его аффективную составляющую. Возьмем пример: Я рассказываю нечто, и при этом могу врать. Обманываю я или же говорю правду — важно для традиционного понимания. Однако тот факт, что я говорю, уже является реальным действием, если есть кто-то, кто слушает. Важно, что вместо содержания высказывания на место истинного действия становится акт высказывания. Нам интересны не только причинность и условия конкретного акта высказывания, но и ситуация адресата. Именно они оказываются в ситуации «квантовой» запутанности, а сам нарратив можно считать вариативным и произвольным. Согласно теории аффекта Брайана Массуми, речь никогда полностью не совпадает с аффектом. Высказывание инструментально, однако не в том смысле, когда оно имеет отношение к истине, а тем, что в нем заключена итеративная настройка ситуации/реальности. При этом уже сделанное высказывание имеет обратное воздействие на перенастройку следующего речевого акта. Происходит перенастройка в процессе неполного самоопределения. Не истинность, а «контингентность и рекурсия» — как показал Юк Хуэй в книге «Рекурсивность и контингентность» (2020) — становятся основным способом соединения динамики и устойчивости многообразия и связности реальности.

Это ставит психоаналитика в сложное положение. Теоретически нагруженный метод психоаналитика (Птолемея) внедряется в анализанта, контейнирует его бессознательное в рамках теории, в которой остается незамеченной гетеросексуальная эпистемологическая матрица. Эта форма возвращает пациента к доминирующей архитектуре различия с ее прежним властным порядком. Тем самым анализант не приобретает новые знания, а теряет то, с чем приходит. Напротив, психоанализ «коперниканский», отбросивший «птолемеевскую» сложность унаследованных гендерных систем, выходит к суперпозиции не-

доопределенности, связкам аффектов, дискурсивным заторам, социальным поломкам и гормональным эффектам. Конечно, практика воздержания от интерпретации введена в психоанализ в качестве этической максимы, но имеется в виду скорее морализация, а не рамка и ее самой теории и ее деконструкция. Здесь мы сталкиваемся с тем, что прежнее «теоретическое богатство аналитика» может оказаться не востребовано (как и сложность математической астрономии Птолемея), и в то же время аналитику не будет хватать оперативных алгоритмов, поскольку его обучение связано с повышенным вниманием к процедурам гетеросексуального контекста, а не к перформативности агентного акта.

Уход от бинарности прежде всего предполагает выход аналитика и анализанта из установки, трактуемой как нейтральная. В любом случае, аналитик занимает эпистемологически приоритетную позицию даже в теоретически фундированном «дискурсе аналитика», который претендует на бытие «вне места». Однако само положение «вне места» — и есть доминантная иерархическая позиция, располагающая психоаналитика вне-себя. Как Аналитик, так и анализант, имеют свою историю и уже вовлечены в ситуацию встречи, в ходе которой происходит взаимное тестирование. Эта ситуация связана с культурной и социальной ситуацией современного момента, когда проблемой стала множественная сборка себя и необходимость продумывания гибких границ. Помощь, которую психоанализ может предложить современному людям, — это безопасность бытия различными, умение настраиваться на ситуацию и иметь достаточно культурных ресурсов для удержания социальной динамики. Сегодня психоанализ сталкивается с депрессией, «выгоранием», агрессией и нехваткой способов обустройства личной пластичности.

Иначе говоря, психоанализ имеет сегодня иное эстетическое бессознательное, для которого характерна многослойность пространств и размывание локальности, а также границ собственного образа. При этом мы ощущаем нехватку подтверждения собственного расположения в ситуации и ищем тех, кто думает и чувствует похожим образом. Я ищу схожее понимание среди теоретиков и близкое чувство среди поэток «Ф-письма». Это проблема динамическихборок себя, и она требует своего концептуального и эстетического оснащения. Подобная ситуация психически и когнитивно затратна, и потому чревата агрессивной самозащитой: «я не могу больше рассыпаться и хочу собрать хоть какое простое чувство, а именно срыв в агрессию».¹

¹ Орывок из беседы со студентами

В социальной перспективе позиция «срыва» образует обороняющиеся гетто или закрытые клубы, считающие возможным выдвигание императивных и экспертных решений с последующим репрессивным контролем, так конструируется современная реакция, суеверия, скрепы, принудительная гетеросексуальность и мизогиния. Очевидно, что психоанализ не отделен от многослойности политических, социальных и экономических процессов, а также от кризиса институтов. Психоанализ сталкивается с тем же процессом делегитимации прежних оснований и необходимости поиска новой рациональности и этики. Однако он остается актуальным инструментом в таких аспектах, как открытие бессознательного в его новых требованиях, деконструкция иерархических гендерных дихотомий, а также в вопросах культурной рематериализации тел. Психоанализ — достаточно пластичная машина для различного концептуального содержания. Чтобы оставаться актуальным, он должен деконструировать прежние и проектировать новые модели понимания, в том числе на пути разработки проекта постгендерного психоанализа в исторических и эстетических условиях текущего момента. То, что феминистский психоанализ показал устройство эстетических и эпистемологических предписаний бессознательного наряду со способами их деконструкции и перезаписи, является бесценным ресурсом современного психоанализа. Одновременно могут быть востребованы все этапы психоанализа: для властных чиновников подходит фрейдовский эдипальный период, для строгой академической публики ближе лакановские топологии и связанные порядки означающих. Однако для современного сообщества художников и перформеров, а также для радикализирующихся маргиналов придется переизобретать практики на основе современных форм кибернетической эстетики и нелокальных социальных динамик.

Библиография

- Гейл, Рубин (2001). «Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик». В кн.: *Введение в гендерные исследования. Часть 2: Хрестоматия*. Под. ред. С. Жеребкина, 464–533. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя.
- Иригарэ, Люси (2001). «Пол, который не единичен». В кн.: *Введение в гендерные исследования. Часть 2: Хрестоматия*. Под. ред. С. Жеребкина, 127–135. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя.
- Келлер, Эвелин (2005). «Феминизм и наука». В кн.: *Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии*. Под ред. Э. Гарри, 200–214. М.: РОССПЭН.
- Лауретис, Тереза де (2001). «Американский Фрейд». В кн.: *Введение в гендерные исследования. Часть 2: Хрестоматия*. Под. ред. С. Жеребкина, 23–47. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя.

- Лонгино, Хелен (2005). «Возможно ли существование феминистской науки?» В кн.: *Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии*. Под ред. Э. Гарри, 232–248. М.: РОССПЭН.
- Митрофанова, Алла (2019). «От феминистского психоанализа к феминистской эпистемологии». *Сигма*. <https://syg.ma/@stanislava-moghilieva/allamitrofanova-ot-feministskogho-psikhoanaliza-k-feministskoj-epistemologii>.
- Митчелл, Джулиет (2001). «Женская сексуальность. Жак Лакан и *école freudienne*. Введение». В кн.: *Введение в гендерные исследования. Часть 2: Хрестоматия*. Под ред. С. Жеребкина, 534–560. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя.
- Пресиадо, Пол (2021). «В бегстве от нормы: опыт политической трансгендерности Пола Пресиадо». *Нож*. <https://knife.media/club/preciado-experience>.
- Пресьядо, Поль (2021). *Я монстр, что говорит с вами. Отчет для академии психоанализа*. М.: No kidding press.
- Рудинеско, Элизабет (2018). «Делаканизировать биографию – Лакана, Фрейда и свою (интервью)». *Логос*, № 28 (4): 55–81.
- Смулянский, Александр (2016). «Высказывание как действие и как акт». *Сигма*. <https://syg.ma/@daria-pasichnik/alieksandr-smulianskii-vyskazyvaniie-kak-dieistviie-i-kak-akt>.
- Фридан, Бетти (1993). *Загадка женственности*. М.: Прогресс; Литера.
- Хардинг, Сандра (2005). «Доказательные стратегии феминизма». В кн.: *Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии*. Под ред. Э. Гарри, 215–231. М.: РОССПЭН.
- Хуэй, Юк (2020). *Рекурсивность и контингентность*. М.: V-A-C press.
- Чодороу, Нэнси (2006). *Воспроизводство материнства. Психоанализ и социология гендера*. М.: РОССПЭН.
- Шмидт, Вера (2011). *Психоаналитическое воспитание в Советской России*. Ижевск: Ergo.
- Шнырова, Ольга (2019). *Суфражизм в истории и культуре Великобритании*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Эткинд, Александр (1994). *Эрос невозможного. История психоанализа в России*. М.: Гнозис; Прогресс-Комплекс.
- Barad, Karen (2007). *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham: Duke University Press.
- Kristeva, Julia (1975). *La traversée des signes*. Paris: Seuil.
- Millett, Kate (1970). *Sexual Politics*. Garden City: Doubleday.
- Schneemann, Carolee (1975). «Interior Scroll (Performance)». *Carolee Schneemann Foundation*. <https://www.schneemannfoundation.org/artworks/interior-scroll>.